

**АНТОНИО МАЛЪЯБЕККИ - РЫЦАРЬ И ХРАНИТЕЛЬ
КНИЖНОЙ КОЛЛЕКЦИИ**

MALYABECCHI ANTONIO ,THE GUARDIAN KNIGHT OF THE BOOK COLLECTION

Marina ŞULMAN

Abstract: ANTONIO MAGLIABECCHI, famous Florence's librarian, in his private life was very eccentric. By the other hand he became the central figure of literary life in Florence. Antonio's memory was miraculous. Magliabecchi knew not only all the volumes in his own library or in Cosimo III de' Medici's private library, but could also tell the page and paragraph in which any passage occurred. Scholarships corresponded with him. Magliabecchi was ready to give a friendly answer to questions. So, he was an unacknowledged collaborator on many publications.

Keywords: Florence's librarian, own library, scholarships

*Я сердцем, волею, умом,
Душой и телом предан ей.
Не ведаю других путей,
Всевластной силой к ней влеком
Бернарт де Вентадорн*

Об одержимых собирателях книг трудно сказать, здравомыслящие это люди или безумцы. Несомненно, это люди интересные, как правило, творческие и обитающие в зоне риска.

Здание библиотеки, возведенное с южной стороны клуатра базилики Сан-Лоренцо. Флоренция.

Татьяна Веденева

Антонио Мальябекки
(1633-1714)

Книжная коллекция Антонио Мальябекки(1633-1714), содержащая в себе около 30 тысяч книг, легла в основу одной из двух национальных библиотек со-

временной Италии. Открытие коллекции состоялось в 1747 году через 33 года после его смерти. Антонио Мальябекки сам был при жизни одной из достопримечательностей Флоренции. Перед смертью он завещал коллекцию родному городу с условием, что она будет открыта для читателей. В 1861 году фонд библиотеки Антонио Мальябекки, которую флорентинцы называли «Лауренцианой», был объединен с коллекцией «Biblioteca Palatina». Со временем объединенная книжная коллекция превратилась в крупнейшую библиотеку Флоренции. С 1970 года принято посылать сигнальные экземпляры печатной продукции во Флорентийскую библиотеку. В 1985 году ей было присвоено наряду с Римской звание Национальной библиотеки. Первоначально наследие Мальябекки располагалось в знаменитой галерее Уффици. Чезаре Баццани спроектировал здание специально

для библиотеки в 1935 году и расположил его на берегу реки Арно.

Достоверно известно, что семья Антонио Мальябекки была очень бедна. Мальчик помогал зеленщику, затем служил в ювелирной лавке. Но его прельщали не драгоценные камни или золото, а совсем другие сокровища. Антонио не умел читать. Однажды сосед книготорговец увидел, как Антонио вглядывается в надписи на бумаге, предназначенной для заворачивания товаров. Книготорговец выкупил его и помог быстро освоить грамоту. Антонио обладал феноменальной памятью. Он выучил не только названия книг, но и названия всех глав в изданиях лавки. На него смотрели как на чудо. Тосканский герцог Козимо III во второй раз выкупил Антонио и, поручив ему заботу о книжной коллекции Флоренции, положил жалованье в 800 ливров.

Антонио сэкономил деньги даже на стирке. Он покупал книги, увлеченно читал их и запоминал на всю жизнь. Он сэкономил время даже на сне. Порой поклонник книг и рукописей всех народов засыпал, не переодевшись, с книжкой в руках. Зеваки смеялись над тем, что на двух его отличных кроватях лежали книги, а сам Антонио спал, положив голову на твердый переплет. Быть может, Антонио был не библиотекарь, даже не библиофил, а библиоман? Страсть к книгам съела его душу. Но ведь он отлично ориентировался в грудах книг, разделенных узкими тропками. Однажды он сказал герцогу: «Ваше высочество, я не могу предоставить вам эту книгу, ибо на свете имеется лишь один ее экземпляр. Он находится в библиотеке Сералия в Константинополе. Это седьмой том в первом шкафу справа от входа». Ученые со всего мира съезжались во Флоренцию и считали своим долгом посетить Антонио Мальябекки. Он живо реагировал на любой запрос и давал

ответ, даже если книги не было в его библиотеке. Говорили, что, изучая книжные каталоги иных библиотек, он ориентировался в их фондах лучше, чем люди, проработавшие там долгие годы. Думаю, что если бы он постучался в дверь любой библиотеки, древней или современной, его признали бы здравомыслящим человеком отличным библиотекарем и с радостью взяли бы на работу.

Интересен отзыв о флорентийском подвижнике, принадлежащий перу автора знаменитых «Курьезов литературы» И. Дизраэли: «Этот первозданный хаос совершенно не мешал Мальябекки отыскать нужную книгу. Он знал своих овец, как пастухи - в лицо». «Есть нечто странное в том, - продолжал Дизраэли, - что столь объевшийся литературной пищей, он сам не приготовил никакого литературного деликатеса или, на худой конец, сэндвича. В сущности это он, Мальябекки, должен был написать «Курьезы литературы». Дизраэли ошибался. С флорентийским библиофилом переписывался Христиан Даум, ректор университета города Цвиккау. Антонио писал по-итальянски, а ректор отвечал по-латыни. Библиотекарь писал в отличном стиле, живо и умно реагируя на все новости флорентийской жизни. Ректор тешил его душу, присылая книжные каталоги. 39 писем Антонио Мальябекки, найденные потомками, были признаны очень вкусным «литературным блюдом». Душа знаменитого флорентийского библиотекаря пила именно из тех глубинных источников культуры, из каких ей и надлежало пить. Ему были присущи страсть, азарт и самозабвенный труд. Он жил не в 21 веке, в царстве прагматиков и компьютерщиков, а в средневековье. В 17 веке еще явственно слышались отголоски куртуазной культуры рыцарства. Антонио был влюблен платонической любовью, воспетой Бернартом де Вентадорном и другими поэтами, труверами и трубадурами. Только не в супругу своего сюзерена, а в Книгу, символ человечности и культуры, которой всю жизнь служил как то и подобает верному рыцарю.

Не знаю, удалось ли мне проникнуть в тайну великого библиофила, но облик его не вызывает у меня ни отвращения, ни страха, скорее я чувствую прилив неподдельного любопытства. Как же ему удавалось так работать, так помнить? Сам Антонио Мальябекки, цитируя наизусть целые главы книг из разных областей человеческих знаний, не мог точно объяснить, каким образом ему удается удержать в голове такое количество разнообразных фактов, цифр, высказываний и идей. Он говорил, что делает несколько «мазков взглядом по странице словно художник, работающий кистью», и все прочитанное остается в памяти на долгие годы.

Я не психолог, а память – область исследования психологов, и по сей день феномен загадочный даже для профессионалов. Все же хочу обратить внимание уважаемых коллег на то, что в литературе есть упоминание о том, что Антонио был эйдетиком. Слово «эйдос» ввел Платон. В переводе с греческого это «образ», «идея», «идеальное представление». Психологи выделяют эйдетическую память как разновидность памяти образной, свойственной детям и подросткам. С возрастом значение этого вида памяти падает. Главенствующая роль переходит к памяти логической. При этом существуют и слуховая и фотографическая память. У взрослых людей, наделенных творческим потенциалом, нередко сохраняется эйдетическая память. Отнюдь не создавая болезненные галлюцинации, а оставаясь на почве реальности, они способны ярко визуализировать мысли и воспо-

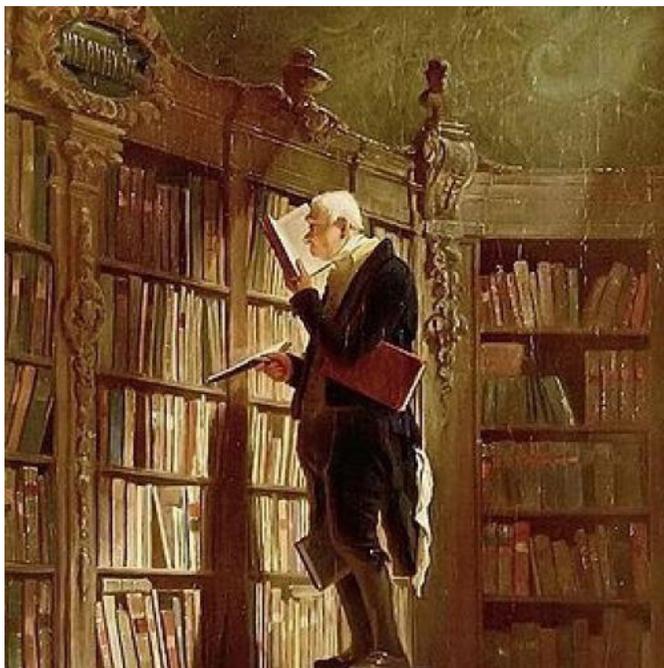
минания. Никола Тесла писал, что в юности, он страдал от яркости своих воспоминаний и учился пользоваться особенностями собственной памяти. Известно, что Моцарт сочинял «в голове», а потом быстро записывал ноты, утверждая, что видит их. Впечатление легкости такой работы обманчиво. Напряженный творческий поиск, невидимый окружающим, происходит у людей «моцартовского» типа зачастую интенсивнее и быстрее, чем у иных творцов, работающих в благоустроенных кабинетах

Возможно, яркость воспоминаний и впечатлений Антонио объяснялись еще и синестезией. Явлением, когда раздражитель воздействуя на анализатор, вызывает не только специфическую реакцию, но и добавочную. Человек слышит звук и одновременно видит цвет или ощущает качество поверхности. Синестезия была свойственна композитору Римскому-Корсакову. Ученые спорят о том, была ли она у Скрябина, одного из создателей цветомузыки, у художника Кандинского. Явление синестезии широко используется в поэзии и других видах творчества.

Примечательно то, что о флорентийском библиотекаре говорили как о человеке, который ничего не забывал. Но он, на самом деле, был забывчив в быту, помня именно книги и ответы на вопросы, волновавшие его современников. Антонио Мальябекки образно называли «оракулом ученых». Ничего не предсказывая, он точно указывал на какой странице какой книги можно найти ответ на вопрос и давал ученому возможность развивать собственные мысли, отталкиваясь

от того, что уже выяснили и высказали другие. Антонио был не только зрителем книжной коллекции. О нем самом Анжело Финарди правомерно и остроумно сказал: **«is unus bibliotheca magna»**.

Следует вспомнить еще и о том, что, приняв на себя заботу о флорентийской библиотеке, Антонио начал сознательно учиться читать быстро и в этом смысле опередил свое время на три века. Сейчас существует множество разработок, советов и норм быстрого или панорамного (сверхбыстрого) чтения.

В 17 веке этим никто не занимался, а у флорентийского библиотекаря был свой способ быстрого знакомства с вновь приобретенной книгой. Благодаря его широчайшей эрудиции новинка занимала свое место в его мысленной картине мира человеческих знаний и никогда уже не терялась.

Все перечисленное приближает нас к раскрытию секретов флорентийского библиотекаря, но не лишает его облик обаяния тайны. Умер Антонио Мальябекки

в одиночестве и в бедности, дожив до 81 года, оставив родному городу не только уникальную книжную коллекцию, но и небольшую ренту на ее содержание. Еще при жизни он успел получить в подарок от своих почитателей **книгу, состоящую из названий других печатных изданий, посвященных ему самому и содержащих похвалы в стихах и прозе.** В наши времена такую книгу назвали бы **указателем библиографического характера.** Через сто лет после открытия для посетителей коллекции флорентийского библиотекаря в Лондоне умер английский библиограф Томас Фрогнал Дибдин (1775-1847) заявивший, что **само существование Мальябекки делает честь истории библиотечного дела.**

Нас, сегодняшних библиотекарей отделяют от даты рождения Антонио Мальябекки не только 301 год, но и смена культурной парадигмы. Бытовые неурядицы и нелепые странности в поведении придают имиджу флорентийского книжника черты карикатурные, на мой взгляд, затемняя суть его природы и принижая значимость его деятельности. Вероятно, Антонио был личностью, наделенной «пассионарностью», особой чертой «психической конституции». По мнению Льва Гумилева, она «с легкостью порождает подвиги и преступления, творчество, разрушения, благо и зло, исключая только равнодушие». Когда таких людей много, тот или иной этнос, приобретая качество «пассионарности», оказывается способным сказать свое слово в истории. Этапы «пассионарности» сменяются апатией. Можно сказать, что за взрывом следуют годы спокойного развития. Мальябекки все отдал ради самореализации и исполнения заветной мечты. Флорентийский библиотекарь самоотверженно работал во имя созидания, до конца выполнив свой долг перед обществом и родным городом. Какие идеи воодушевляют «пассионариев» нашего века? Хотелось бы, чтобы они использовали мощь своей воли, а также интеллектуальный потенциал ради созидания на благо природы и человечества.

Библиографические ссылки:

1. ВЕДЕНЕЕВА, Татьяна. Коварство благородной страсти. В: *Иностранная литература*. 2012, nr. 1, pp. 218-226. ISSN 0130-6545
2. КУНИН, В. Странный флорентинец. В: *Альманах библиофила*. М., 1976, Вып.6, pp. 145-154.
3. ШАПАРЬ, В. Б. ред., Россоха, В. Е., ШАПАРЬ, О. В. *Новейший психологический словарь: Более 3000 терминов*. Ростов н./Дону : Феникс, 2009. 806 р. ISBN 978-5-222-15421-15